

Анатолий Мерзлов

СВРЕМЕННИКИ
И КЛАССИКИ

Русское счастье

Современники и классики

Анатолий Мерзлов

Русское счастье

«ИП Березина Г.Н.»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Мерзлов А. А.

Русское счастье / А. А. Мерзлов — «ИП Березина Г.Н.»,
2017 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-906916-71-6

Роман-откровение «Русское счастье» построен на жизнеописании героев – наших современников, затрагивающий период времени в сорок лет, включая тяжелый для героев перестроечный период. В чистом виде роман не автобиографичен, хотя во многом перекликается с судьбой самого автора. В нем исторически достоверные хитросплетения встреч героев. Автор оставляет читателю «выложенное на тарелочке» право собственным усмотрением продолжить судьбу героев романа. подача материала романа «Русское счастье» проходит в легких саркастических тонах и данность не мудрена. Автору хочется более решительного и более качественного обновления страны, близкого духу времени.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906916-71-6

© Мерзлов А. А., 2017
© ИП Березина Г.Н., 2017

Содержание

Труд Тристана	7
В поисках себя	7
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Часть 2	23
Глава 1	23
Глава 2	24
Глава 3	27
Глава 4	30
Глава 5	32
Часть 3	34
Глава 1	34
Глава 2	37
Глава 3	38
Глава 4	39
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анатолий Мерзлов

Русское счастье

*Белой акации гроздьба душистые
Не повторятся, как юность моя...*

© Анатолий Мерзлов, 2017

© Интернациональный Союз писателей, 2017

Родился в солнечном Батуми. Дом, где родился, где прошло детство и юношество, стоял вблизи берега Черного моря. Это штормовое море и морской прибой с самого рождения несли мне тайны своих глубин. Романтическое начало, возможно, и зародилось на этих откровениях. Море и стало толчком к будущей профессии. После окончания мореходного училища в качестве судового механика дальнего плавания обогнул несколько раз Земной шар.

Военные конфликты, в которых прямо или косвенно фигурировал Советский Союз, не обошли стороной. Участвовал в событиях во Вьетнаме, на Кубе, на Ближнем Востоке. Работа в плодовом совхозе, окончание Высшей школы управления сельским хозяйством стали следствием тоски по земле в долгих странствиях по Мировому океану. После развала совхоза в перестроечный период – предпринимательство. Второе, после литературного творчества, зоология – стала впоследствии бизнесом.

В 90-е годы почувствовал моральное право для публичных суждений и самовыражения. В начале нулевых издательство «Советская Кубань» выпустило в свет первые и самые доро-

гие мне книги: «Платановая аллея», «Здравствуй, Геленджик», «Счастливчик», «На пути в никуда», «35-й день осени», «Код доступности», «Эта страсть навсегда». В поисках писательского совершенства вступил в Интернациональный Союз писателей. Здесь, в серии «Современники и классики», выпущена книга «России ивовая ржавь». В альманахе «Российский колокол» печатается подборка моих рассказов. Завершен вариант другой актуальной книги – «Русская небылина».

А в душе еще так много материала невысказанного и, на мой взгляд, очень нужного для обделенного временем поколения. Россия – моя Родина! Россия – моя любовь! Россия – мой вдохновитель! Россия и моя боль... «Ты выдюжишь, ты ляжешь костями, как легла в «Великие Пятилетки», как легла в годы тяжелого лихолетья. И ничего, что растерты в кровь ноги, измучалена и растерзана душа – ты движешься поступательно, как тот стреноженный конь, вперед, любой ценой, вымачивая гать русской упругой костью.

Возможно, потомки наши когда-нибудь дождутся участи, когда «Гражданин России» будет звучать гордо и недвусмысленно!!!»

Труд Тристана Рецензия на книгу Анатолия Мерзлова «Русское счастье»

В поисках себя

О житье-бытье на российских просторах написано много. Тянет русского человека поделиться горестями и радостями, неудачами и событиями воистину волшебными размышлениями о жизни. Анатолий Мерзлов написал книгу необычную. С одной стороны, он не отошел от классических канонов при описании человеческих судеб на Руси. А с другой стороны, автор сумел преподнести материал в свойственной только ему, индивидуальной манере. Его язык – чуть шероховатый, неотутюженный, лишенный аристократического блеска светских салонов – привлекает задушевностью и искренностью, он льется простой мелодией русской души.

У Мерзлова фактически нет плохих, отрицательных героев. Да, они появляются мельком, но автор скорее делает акцент на поведении главных персонажей в сложной ситуации, чем на характеристике «упырей». Автор словно сам не знает, как его герои выкрутятся из передрыги, он наблюдает за ними, подбадривает и подталкивает вперед, на ухабистую дорогу жизни. В романе выведено два главных действующих лица: Матильда и Тристан, а также несколько второстепенных героев, которые играют в развитии сюжета важную роль. Конечно, авторское присутствие и здесь четко ощущается: нет нейтрального повествования, когда читатель волен сам решать, кто есть кто.

Кому-то это может не понравиться – Мерзлов не скрывает своей позиции, своего мнения. Он не прикрывается красивыми словами, витиеватыми фразами. И порой чувствуешь напряжение, желание поспорить, высказаться по поводу поступков героев. Но позже начинаешь уважать автора за то, что он не идет по пути наименьшего сопротивления: мол, пусть читатель решает сам, как те или иные действия характеризуют человека и куда его ведут. Благодаря четкому взгляду Мерзлова на происходящее, читатель, потерявшийся среди современной литературы, по большей части, предлагающей ему пойти «туда-не знаю-куда», вдруг обретает ориентир, точку опоры, надежную почву под ногами.

Герои Мерзлова живут в разных условиях, но все они далеки от идеальных или даже просто комфортных. Природа, быт, условия для работы автор описывает скрупулезно, в деталях, не оставляя никаких иллюзий. Нет, тут не рай, даже с милым. Спивается все-таки мачеха Матильды, как ни надейся на лучшее. Вместе с отцом они ведут неравную борьбу не только с алкоголем, но и с обстоятельствами, которые оказываются сильнее. А вроде, складывалось вначале неплохо, а вроде, вначале создавалась иллюзия сказки со счастливым концом. Случилось в итоге, как в жизни, когда сил не хватает, дыхание сбилось и руки опустились.

Более счастливая судьба ждет других героев. Впрочем, тяжким трудом достигается счастье, через тернии и не совсем к звездам. Сначала пройди унижение, отчаяние и страх, потом, может быть, после того как надоишь корову, наведешь порядок в хозяйстве, продашь выращенное своим трудом, настигнет тебя безыскусная радость бытия. Нет, не в особняке в престижном поселке, и не с мужем-олигархом. Не в дорогой шубе и бриллиантах встретишь счастье. Все в том же застиранном платье, рядом с простым мужиком. Только что дом чуть подремонтируют, да участок превратится в небольшую ферму с устойчивым достатком. Зато будет куда прибиться старшей сестре, родятся детки, а значит, есть будущее в этой маленькой истории. Тристану места там не найдется, хоть он дважды попытается войти в одну и ту же реку.

История Тристана вообще интересна сама по себе, отдельно от всех прочих персонажей. Он бродит по страницам книги неприкаянной тенью, тыкаясь носом в подол женских юбок, как слепой щенок. И жалеешь его, и отталкиваешь. Он умен, он многое знает и понимает. Одно ему невдомек – как самому-то жить дальше и, что немаловажно, с кем. Судьба кидает Тристана по городам и весям. Попадает он даже на заработки в Грецию. Мерзлов со знанием дела описывает детали быта людей, приехавших в страну древних мифов и легенд, собирать апельсины. В разгар сезона, в самую жару им предстоит пестовать яркие, солнечные плоды, пытаться скопить копейки для продолжения существования на родине.

Анатолию Мерзлову безусловно удаются описания не только быта, но и природы. Неважно, куда забрасывает он героев – в город, в деревню, на паром, в Грецию – везде ощущаешь запахи, видишь поля, речку, покосившиеся домики, дорогу... Описания не затянуты, они гармонично вплетаются в ход мыслей персонажей. Читатель мыслит и видит одновременно с ними. Холодом веет от дорогих коттеджных поселков, отгороженных от остального мира высокими заборами. Недаром именно за ними вершатся темные делишки. Но в бедности тоже не случается чудес. Мерзлов не пытается убедить читателя в том, что бедность не порок. Усталая, замотанная Матильда пашет несколько смен подряд, путает прописанные больным лекарства и решает бросить к черту далеко не опостылевшую работу, напротив, работу любимую, к которой лежит душа и есть явная склонность. Она ищет счастье, как и Тристан, но однажды его потеряв, ей уже трудно отыскать его снова.

Роман Анатолия Мерзлова заставит читателя вздохнуть не раз. Вздохнуть и с легкой грустью опять понадеяться на лучшее.

Виктория Балашова, Александр Гриценко.

Часть 1 Лилия

«Спасибо за то, что помогала собирать хворост».

Глава 1

Медоносный аромат акаций заполнил всю округу, будоража и без того всполошенную голову. Пространство двора утонуло в майском дурмане. Ласточки и стрижи, оголтело вереща в хороводах брачного веселья, придавали общему тону двора особый настрой. По возвышенному духу общения обычно грубоватых и с виду бесчувственных соседей стало очевидным: все живое без исключения подверглось наркотическому воздействию безудержной весны.

Недавняя война сохранила свой пагубный след и в этом далеком от театра военных действий городке. Внешние фронтовые увечья, не будем говорить о других ранах, виделись в коммунальном дворе, как не скрывай, в самом что ни есть неглиже. Все, кроме тех, кто не мог самостоятельно передвигаться, расположились во дворе в этом году в первый раз, откровенно отдыхая душой и телом после зимнего неудобства плохо обогреваемых коммунальных нор. Чрезмерные шалости разгоряченной подвижными играми детворы, и те не вызывали окриков старших – на лицах отпечаталась сама святость, а в позывах высоких чувств, подогретых весной, рвалась наружу готовностью любить, сострадать и прощать. Неизбежное дурное: перепалки женщин, вспышки негодования мужчин, всегда сопутствующие быту плохо устроенных людей, в этот день улетело, растворилось, утекло в неизвестность, не оставляя ни малейшего сомнения к возврату. Бельевые веревки, протянутые через двор, перекрещиваясь пулеметными лентами матроса Железняка, обвисли тяжестью вешалок.

Легкий бриз близкого моря создавал букет ароматов, смешивая йодистый запах морских водорослей, медоносный аромат акаций с едким запахом пропитанных нафталином вещей. Вытащилось на божий свет все, что являлось сохраняемым достоянием семей. Из всего обыденного выделялся единственный экземпляр, вызывающий всеобщий интерес – чернобурка (немецкий трофей), одна-единственная вещь из действительной роскоши для владельцев двух двухэтажных, образующих закрытый двор, домов. Принадлежала чернобурка тете Люсе – маме одноклассников Тристана, двойняшек – Лесика и Владика. А в остальном, это вещественные принадлежности армии и прошедшей войны. Габардиновое военное обмундирование с орденскими планками в мешочках, затрапезные плюшевые зипуны, пестрые платки с национальным орнаментом – все это рачительностью хозяек выудилось из глубинных залеганий комодов. Дополнением к прочему – тронутое плесенью офицерское байковое белье из неприкосновенных запасов на непредвиденный случай и множество прочих атрибутов в виде заношенной старой одежды, не нужной уже, но свято хранимой, как память.

Двор выглядел образцово-показательным апофеозом послевоенного времени.

Окно, огромное до потолка, занимающее чуть ли не всю стену длинной узкой комнаты, распахнутое настежь, ловило локатором запахи и звуки двора. В углу комнаты, между обшарпанным шкафом, сваяным по случаю рукастым солдатом-срочником, за таким же самопальным, обильно налаченным столом, уютно сидел на стуле Тристан. Мечтательностью его природа не обделила – он здесь обычно грезил необыкновенным будущим, пытая себя, в промежутках реальности на поприще рифмоплетства.

Под стулом шуршала сплюснутая временем хозяйственная дерматиновая сумка с недельным запасом картофеля, лука и моркови. Они жили с мамой вдвоем: она учительство-

вала, Тристан учился в восьмом классе школы. Истинным домом для мамы, похоже, не была эта комнатка – домом служила школа – именно там растрчивалась вся ее хозяйская жилка. Порядок в комнате, как таковой, в классическом понимании отсутствовал, даже применительно к тому нетребовательному времени. Да и в тесноте двенадцати квадратных метров при наличии шкафа, буфета, стола и двух кроватей сложно было сохранить идеальный порядок. В два свободных угла, на табуретки, бессистемно складывались вещи не первой необходимости. Первостепенная необходимость лежала по краю любых выступающих частей скудного интерьера. Учительские семинары, дополнительные группы, заболевшие коллеги, классное руководство, да и всякое прочее, касающееся работы, не оставляло практически свободного времени. Знающие маму ближе говорили: «Евгения Георгиевна уходит от рутинных дел для отвлечения от всепожирающей безысходности».

Большую часть суток Тристан предоставлялся самому себе. Окружающее пространство не позволяло широко двигаться, но юношеский романтический задор трудно сдержать такой малостью. Тристан улетал в неведомое далеко, возвращаясь в реальность выстрадавшей строчкой, которую тут же черкал, правил, и, в конце концов, замалевывал до невозможности густо.

В торжестве всеобщего счастья – свое маленькое удовлетворение не рождалось.

Стриж, одуревший в запале веселья, впорхнул в окно. В ограниченном пространстве комнаты суматошно ввинтился несколько раз к потолку, а, выпорхнув восвояси, пронзительным настоянием вновь понес миру о всеобъемлющем счастье.

Приморский пограничный город жил памятью о недавней войне. Хотя она и обошла его стороной, близость коварного неприятеля, как нельзя лучше, сохраняла эту память, обязывая быть начеку. Обычно, ближе к полудню, идиллия мирной жизни нарушалась канонадой. Залпы тяжелых орудий батареи, спрятавшейся недалеко под зеленью искусственного вала, били по далеким учебным морским целям. Кроме грохота орудий в промежутках мощных залпов бриз приносил с недалекого военного полигона стрекотание автоматического оружия, завершая вступительную часть одиночными разрывами ручных гранат.

Но сегодня, словно сторонние силы вмешались, не позволяя нарушить тихое единение с природой: молчали орудия – молчал полигон. Старые эвкалипты стояли недвижимыми изваяниями в почетном карауле между двумя типовыми двухэтажными домами. Двор делился ими на офицерский и смешанный. Во втором доме жили демобилизованные из армии. В отрыве от них стояло еще несколько таких же однотипных домов, не имеющих никакого отношения к военным. Кто в них только не жил, но в основном, это были бедные армянские семьи, переселенные сюда из бараков. Их быстро растущая численность требовала дополнительной площади, и дома спонтанно обрастали новыми бараками. В целом компактное поселение носило общее название – Ардаганские казармы. Ардаганские пацаны славились в округе не просто бойцовским характером – их гипербойцовские качества держали в страхе пацанов прочих компактных поселений. Офицерский дом и его дети, не успевшие ассимилироваться влиянием общего двора до того предела, были некоторым исключением, хотя визитная карточка общей принадлежности распространялась в городе и на него без уточнения. Комната в доме для офицеров осталась за мамой Тристана после внезапной смерти фронтовика-отца. Малейший осколочек металла, оставшийся у отца под сердцем, напомнил через много лет о коварствах войны.

В створе окна показалась, пропала и вновь показалась пухлая физиономия Васьки. Он проверял, один ли Тристан дома. Удовлетворенное положительным фактом его добродушное лицо остановилось в окне устойчиво. Васька – далеко не красавец: увалень с большими ушами, вечно заткнутыми ватой, редко смеялся, сейчас же загадочно улыбался. Чаще всего он был занят чем-то внутри себя, увлекаясь, терял контроль над своей мимикой: нижняя губа отвисала, плечи сутулились – в эти моменты он поразительно напоминал известный чеховский персонаж. За умение рассуждать и владение не по возрасту элементами рассудительности дворовые пацаны не держали его за глупца – не гнали на дворовых сходках, но без насмешек не

обходилось никогда. Васька терпел издевки недолго, обычно медленно надуваясь, с глазами полными слез, он отбегал в сторону на самом пике своей слабости – прилюдных его «соплей» не видели. Тристан знал Ваську, как никто другой: добряк Васька был лишен всякой корысти. Они считали друг друга друзьями.

Кроме очевидных литературных способностей, в Тристане одновременно существовала неумная жажда эпатажа, но к таким, как Васька, он ее категорически гасил. К Ваське Тристан относился, если не с жалостью, то с доброжелательностью определенно. Можно с большой долей уверенности сказать: относился он так ни к нему одному – ко всем слабым и беззащитным. У сильных пацанов, да еще неоправданно самоуверенных, Тристан находил и умел высмеять недостатки. Ущербность, как он сам в себе ее называл, имела и у него, о существовании ее знал только Васька. В благодарность или нет, по крайней мере, он об этом молчал. Интерпретация имени Тристан, прежде чем распространиться до клички, стоила нескольким смельчакам расквашенных носов. И все-таки, за глаза кличка существовала – его звали Робинзон. Может быть, из-за постоянного присутствия рядом учтивого Васьки-Пятницы? Сегодня этот факт порос былью. Тристан существовал в коллективе пацанов как рыба в воде, а перед девчонками тушевался: заливался краской, а, уж, при откровенном обращении к нему, пунцовел – в этом и таилась его слабость.

С Васькой они имели свои секреты: в общении затрагивались темы даже с претензией на философские, в оборотах далеких от дворового беш-де-мера. Васька перед ним раскрывался, не боясь обидной насмешкой быть застигнутым врасплох. Немного туговатый в реакции, на самом деле – совершенно чистый, доверчивый, не подкупный друг.

Всеобщая одухотворенность, похоже, поразила в этот день и Ваську: он затаенно улыбался, с иронией, не свойственной его сути.

– Чем занимаешься, сочиняешь?! – спросил он с непонятным для начала петушиным наскоком. – Почитай?!

– Одну строчку? – спросил Тристан вопросом на вопрос.

Его подмывало необидно разыграть его.

– Хотя бы? Что-то? Буду знать тему? – умудрился спросить Васька, подражая дворовому пацану-книжечю – еврею Ромке.

– Тема? Ищу новое в поэзии, – интригуя, стараясь сделать это небрежно, отмахнулся Тристан.

Васька раззадорился, теряя контроль над нижней губой. Своим раболепским видом он не просил – на его лице отпечаталась мольба о снисхождении.

Жажда розыгрыша проскочила в затаенном взгляде Тристана, наивность Васьки зашкаливала – в таком состоянии он не был способен к анализу действий. Тристан встал в позу декламирующего Пушкина – поднял театрально руку, чуть было не прыснул, но сумел проглотить смех и высокопарно прочитал:

– *Радости, пей, пой! В сердце весна разлита! ...А он заржавленный лежал у походной лавки армянина,* – изо всех сил, тужась быть серьезным.

Васька где-то глубинно почувствовал подвох, попытался надуться, но серьезное лицо Тристана толкнуло его к рассуждениям. Долго, как всегда, продержаться Тристан не смог и рассмеялся. Васька не обиделся. В розыгрышах Тристан не затрагивал больные элементы его личности.

– У меня к тебе просьба, – промямлил сдвигшийся Васька. – К нам в гости приезжает сослуживец отца по Армении – у него дочь... Лилечка, в общем, она мне нравится. Помоги написать письмо – на этот счет имею далеко идущие планы, хочу заранее знать о ее расположении ко мне, необходимо, как понимаешь, время для подготовки. Задача нелегкая – Лилечка старше меня на год – ей в июне исполняется шестнадцать.

– Фотография хотя бы есть? – сходу включился в тему Тристан, разгораясь большим интересом.

Васька, похоже, долго решался на откровение – он неуклюже вскарабкался на подоконник, традиционно оставив ноги извне. Смущенно улыбнувшись, достал конверт, благоговейно выудил из него фотографию 8x10. Серо-зеленоватый фон глянцевого фото нежно обволакивал улыбающееся губами лицо. На Тристана смотрела загадочная девушка – настоящая красавица с шапкой роскошных кудрявых волос.

«Ленинкан. 196.. год. Лучшему другу Васечке от Лилии. На долгую память», – прочитал он на обороте.

Изображение взбудоражило Тристана, не сопротивляясь, он тут же согласился на послание. Письмо получилось возвышенно-лирическим. Прочитав, Васька опешил до немоты, наверное, копаясь в своих чувствах и сравнивая их с эпитетами послания. После некоторой паузы угоднически попросил приземлить чувственную часть послания. Просил Васька умоляюще, понимая, что таких оборотов речи ему не отработать никогда. Тристан править отказался наотрез – он писал, перевоплотившись, в первый раз так остро переживая свои чувства.

Глава 2

Два дня дождило. Порывы ветра положили на землю мокрые головки «золотых шаров». Исполины эвкалипты под окнами играли двуцветьем стрелчатых листьев, превратив до сих пор сплошную пограничную стену в отдельных грозных проповедников небес. Гроздя белой акации обмякли, устилая землю отжившими собачками лепестков. Двор опустел: уныло белели голые веревки, в подслеповатые оконца фанерных времянок выставились потускневшие лица стариков. Непогода, так непохожая на скоротечную майскую грозу, затянулась на неделю.

В какой-то сотне метров от домов начиналась анфилада озер. Заболоченная местность обильно поросла камышом. Если смотреть на нее с высоты птичьего полета, различной конфигурации водоемы красиво дополнили пейзаж Кахаберской низменности. Одно из них, окультуренное, украшало Пионерский парк города. По периметру обрамленное реликтовой растительностью озеро вполне вписывалось в фактуру реалистической сказки.

Самое большое из озер лежало вблизи компактного поселения, продолговатой петлей перегораживая близкий путь к морю. В полном соответствии с субтропической классикой – болотными топями, обильным камышом и зимующими водоплавающими. Какой только пернатой живности здесь не обитало: чирки, лысухи, дикие курочки, цапли, гнездилась выпь, пугая по ночам детей жутковатым криком. О мелочевке в различных оперениях, в том числе и ярких, снующих ежеминутно в просветах зарослей камыша, речь вести не стоит, ибо описательский аспект всех красот увел бы нас далеко от главного сюжета.

Одни люди благоустраивались в послевоенной разрухе, самоотверженно отдаваясь работе, другие – немногие, вышедшие из военной мясорубки без видимых потерь, предавались неге.

Редкое удилище мелькнет над камышом – рыбалка считалась великой роскошью бездельников. Меж тем озеро кишело сазанами, водились бычки, окуни, заходила на нерест кефаль. Недоразумением казалась многочисленная гамбузия, прожорливой пираньей расклевывавшая малейшие ранки на ногах – вредитель, для неосведомленной личности. Живущим окрест гамбузия приносила неоценимую пользу, сдерживая собой размножающуюся в многочисленных водоемах популяцию кровожадных комаров.

Это самое большое озеро являлось вотчиной Тристана. Не возьмемся с полной уверенностью утверждать, что его привлекало больше: сама рыбалка в тиши и одиночестве, как фактор добычи, или шелест камыша на свежем бризе близкого моря, создающий под звон комаров иной мир, без грязи и бедности, без пьянства и грубости, без всеохватывающей лихорадки неухоженных стройплощадок.

В этот день не клевало, поплавок водила мелюзга. Потом он и вовсе лег на бок, зацепившись за поросль водяного ореха. Набежавшая рябь портила качество рыбалки. Отщипнув измочаленный мелочью кончик червяка, Тристан ловко закинул удочку в уютную прогалину водорослей – поплавок стойко вперился белым наконечником в небо. Недалеко от облюбованного им места мирно паслась лысуха, временами погружая и вытаскивая из воды голову, активно глотала, досылая в утробу оранжевыми ножницами клюва очередную рыбешку.

На противоположной стороне, к броду подошло стадо буйволов. Потоптавшись в раздумье на берегу, оно без промедления двинулось к уютному, зеленеющему в камышовых зарослях островку. Ранней весной островок покрывался множеством цветущих болотных колокольчиков. Тристан попытался воздействовать на животных силой мысли: «Миленькие, только не туда». Не в состоянии что-то изменить физически, он с чувством ожесточения сжал кулаки – его привычка, рожденная бессилием. «Истоптанный тяжелыми копытами островок превратится сейчас в пустыню!» Буйволы как чем-то подстегнуло, наверное, его телепатическим воз-

действием – они легли в воду, пуская ноздрями пузыри, не дойдя до островка несколько метров.

После зимнего обилия осадков вода в озере поднималась – брод на островок был известен немногим, а Тристан его разведал – он умудрялся еще по большой воде первым собрать в тугий пучок букета белые, красиво окаймленные серебром, стеснительные головки колокольчиков. За колокольчиками по сезону следовали скромные фиалки, грациозные ирисы, дурманящие приторным ароматом пальчики. Цветы скрадывали убожество обстановки фанерной кухоньки, украшая маленький универсальный столик с радиоприемником «Москвич». Столик, кроме кухонных, отвечал многим другим надобностям.

Поплавок прибило к зеленой границе водорослей – он начал плавно уходить под воду. Тристан попробовал подтащить его, но леску тяжело ударило, она натянулась струной – удилице изогнулось – поплавок резво повело в сторону. У Тристана перехватило дыхание. По всем знакомым ему признакам, на крючке сидела крупная добыча, по повадке определялся заматеревший сазан.

«Старая леска не выдержит! Не рвани резко, хороший ты мой», – вспотел от напряжения Тристан, давая себе и добыче установку: «Остороженько, миленький, не дерни. Выматывать, выматывать силы. У берега хватать за жабры».

Азарт достиг апогея, когда на поверхности появилась черная спинка крупного сазана.

Вымокший по пояс, но гордый добычей, ею оказался сазан около двух килограммов, возвращался домой. У подъезда дома, в беседке под плакучей ивой, сидел Васька – оказалось, он давно ждал Тристана. Обрадованный Васька даже споткнулся, кинувшись ему навстречу. Не обращая внимания ни на его внешний вид, ни на то, что он держит в руках, с губ его так и просилась радостная весть. Отрешенный от реальности Васька завопил:

– Письмо сработало, пляши! Вот ответ! – достал он из кармана конверт и нежно погладил его, – Ли-ли-я через не-де-лю будет у нас!

Глава 3

Ложась спать, Тристан долго не мог заснуть – в голове крутились обрывки прошлого разговора, волнительно отдавалось в ушах сердце. Неделя длилась вечностью. Из нехитрого скарба выбирал одежду и не мог найти ничего достойного. Успокаивали слова мамы: «Встречают по одежке – провожают по уму». «Глупцом его никто не назвал – значит здесь все в порядке. Это его послание подействовало на сознание недосыгаемой девочки», – с замиранием дыхания переключивалось в голове, пока его не сморил сон.

Шел конец июня. Погода соответствовала времени года. Бирюзовое небо, еще не успевшее поблекнуть, отражалось в теплом море, раскрашивая его в небесные тона. Тристан проводил часть времени на причале с другим товарищем по Ардаганке – Вовчиком Радаевым. Перегреваясь на знойном солнце, они периодическим всплеском нарушали ласковую гладь моря. Вовка не был болтуном – чаще молчал. Глаза, обращенные вдаль, у обоих пацанов отдавали бирюзой, превращаясь в таинственную глубину бескрайнего моря. Разомлевшие на жаре чайки сидели по краю глубоководного причала, от сытости не обращая внимания на мелькающую в прозрачной воде рыбешку. С высоты пяти метров пацаны прыгали в воду, глубоко погружаясь, оставались там, как можно дольше. Некоторое время нежились в прохладной глубине, затем шумно выныривали, вскарабкивались на перемычки причала – начинался поиск колонии устриц. Раня пальцы об острые кромки выборных раковин, набивали ими штатный мешочек. Из выброшенного морем топляка на берегу разводили костер. Жаровней служил кусок старой железной кровли – на ней они пытали устриц огнем, пока те не раскрывали слизистый зев, доходя под чутким Вовкиным глазом до нужной кондиции. Пахнущее морем, скукоженное до ядрышка лакомство поедалось, не успев хорошо остыть.

Заглянуть в гости к Ваське Тристан не осмеливался, хотя слух уже донес о приезде гостей. А так хотелось увидеть воочию ту, которой открыл частицу своих первых чувств.

В окрестных горах с вечера погромыхивало, где-то там далеко пронеслась гроза. По небу плыли разрозненные дождевые облака. Тот год вообще выдался чрезмерно дождливым. По известным признакам с утра намечался клев. Общества на рыбалке Тристан не признавал, поэтому решил подняться затемно, чтобы обойтись без случайностей. Лег спать пораньше. Уставшая мама уже спала. Не успел прикорнуть, как условный стук в окно поднял его – так стучал только Васька. Условностями он давал понять о необходимости поговорить.

– Где ты скрывался весь день? – зашипел на него Васька, стоило Тристану выйти. В необычном для него волнении, Васька сжал Тристану руку.

– На причале, ты знаешь... – едва унимая пробежавшую по телу дрожь, промямлил Тристан.

Он сразу увязал позднее посещение Васьки с Лилией.

– Именно вчерась я и искал тебя, – подражая соседке бабе Тосе, процедил язвительно, сквозь зубы, Васька. – А хотел я познакомить тебя... с кем ты думаешь? С Лилией! Классная, красивая, своя в доску... Она пыталась меня все эти дни по поводу письма. Я ведь тебя просил – догадается: не мой это слог. Вытащила из меня правду. И еще, только не выдавай меня, настояла, невзначай, вас познакомить.

Разволновавшись при упоминании неизбежного, Тристан понимал, что выдает себя – он отводил от Васьки глаза. Встречу он предвидел, смирился со своим возможным падением, но пусть оно случится позже, когда-нибудь, и никак не по поводу каких-то заслуг. Волнуясь все больше, Тристан пытался выпроводить Ваську ни с чем, но тот, как никогда настойчиво, стоял на своем. В настоящий момент у Тристана не хватало мужества дать прямой утвердительный ответ.

– Извини, друг, надо ложиться спать – рано утром собираюсь на рыбалку. Как-нибудь, позже, потом, – пытался он не очень учтиво отвязаться от Васьки. Тристан, как мог, напускал на себя безразличие.

Но Васька-то хорошо знал его: он не верил ему, и вдруг, снизошел.

– Хотел помочь другу, а встретил такое... непонимание. Как хочешь.

И Тристан отлично знал Ваську, поэтому и открылся без опаски. Не рыбак он и далек от подвоха. Поднять Ваську рано утром не мог никто. Тристан нередко подшучивал над ним по поводу лишнего часа утреннего сна – за него Васька мог отдать все. Так однажды в собственность Тристана перекочевала из библиотеки Васьки книга – бесценный томик Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан», и всего-то за отказ отправиться рано утром в поход. По этому поводу прежде состоялось пари в присутствии двух свидетелей.

Васька с чувством исполненного долга в недоумении пожал плечами, но все же ушел.

Тристан вернулся в комнату – сразу не лег, а подошел к зеркалу: на него смотрел испуганный худощавый пацан с выгоревшими на солнце волосами и облупленным носом.

– Хорош себе красавец, достоин внимания, – произнес он издевательски вслух, – бежать надо таким уродцам... от красавиц и вообще – подальше.

Мама за занавеской ворохнулась, проснувшись от его голоса:

– С кем ты там сыночек разговариваешь?

– Спи, мамочка, это я сам с собой репетирую спектакль.

Мама чувствовала, когда ему нельзя докучать, и он ценил в ней это качество. Мама доверяла ему. Она не задавала больше вопросов. Отношения их можно было назвать без натяжки дружескими.

Мама нередко просила:

– Тристанчик, не успела сварить борщ, не обессудь, свари, пожалуйста, сам – набор для него найдешь, где обычно.

И Тристан варил, и не только борщ. Он был даже рад, что может порадовать чем-то маму. Тристан рос на редкость сговорчивым мальчишкой, учился, если не на «отлично», то на твердое «хорошо». При его свободе и сомнительном окружении это казалось невероятным. Тянули назад точные науки – к ним он, не скрывая, относился холодно, как к некоей суровой необходимости. Русский язык и литература, извольте, здесь Светлана Олеговна – классный руководитель и литераторша, была от него в абсолютном восторге.

– Милый ты мой, да по тебе плачет литературный институт. У тебя природный дар к красивому сложению речи.

Она об этом говорила и маме. Тристан мечтал поехать поступать в киевский университет, на отделение журналистики. Почему именно в киевский? Наверное, из-за Крещатика, Печерской лавры, Тараса Шевченко, Николая Гоголя.

А мама осаждала его пыл:

– Куда нам с нашим достатком так далеко. После службы в армии, может быть... Вчерашний школьник на журналистику, без публикаций и протекции? Надо быть, сыночек, реалистом.

Мама боялась за него, но занудством не докучала. Вокруг чересчур много было негативного: мат, пьянство, воровство, мордобой, дворовые свары – неблагополучным районом слыла Ардаганка.

Глава 4

...Спал, не спал – в четыре утра, едва забрезжило небо, Тристан собрал рыбацкую оснастку и вышел во двор. В беседке кто-то сладко зевнул. В утреннем полумраке разглядел силуэт, закутанный с головой в накидку. В этой беседке, от случая к случаю, томились по утрам – как результат семейных стычек в офицерских семьях. Чаще всего охлаждалась в ней по ночам красавица Аннушка со второго этажа – молодая жена старлея. Не обделена была Аннушка вниманием, позволяла себе флирт в отсутствии мужа – имела слабость строить глазки брутальным мужикам. Мешковатый старлей, будучи трезвенником, от постоянного напряжения присел на «горькую». За очередные прегрешения, в состоянии опьянения, он отправлял Аннушку ко всем чертям. «Карусель» эту знали в доме все – от мала до велика. Тристан осторожно прокрался в беседку, где взял под лавкой оставленную с вечера банку с червями. Усердствуя, стараясь не шуметь, зацепился плечом о стойку беседки. Накидка молниеносно откинулась.

– Подожди, можно с тобой? – ушатом холодной воды окатило его сзади.

Тристан невольно остановился.

– Здравствуй, я Лилия..., – извиняющимся тоном пропела взлохмаченная заспанная головка. Событие пронеслось мгновением – Тристан и опомниться не успел, тем более погрязнуть в своих страхах.

– Здравствуй... те..., – пролепетал он, – путь для вас будет очень трудным.

Лилия, игнорируя предупреждение, решительно пристроилась за ним.

Настоящая пытка случилась позже. Пробивая путь по заросшей молодыми побегами ежевики тропе, Тристан не проронил ни слова.

Небо осветлялось, с заревом восхода разгоралось пожаром его лицо при мысли о зашитом-перезашитом спортивном трико. Отдулины на коленях и все это убожество очень скоро станет явью.

А утро все отчетливее высвечивало заросли окружающего их болота. Тристану хотелось посмотреть на Лилию, но глаза не подчинялись ему, они косили куда угодно, только не в ее сторону. Тристан понимал: надо что-то говорить, заставить язык двигаться, но и после усилия над собой он не подчинялся ему, превратившись во рту в инородное тело. Бурлящие мысли перегорали в кипении не сказанных слов, так и не дойдя до адресата.

Изрядно подмокнув от обильной росы, они молчаливо подошли к береговой кромке озера. Тристан, абориген здешних мест, и тот ощущал неудобства – холод одолевал до озноба.

Много позже он вспоминал этот поход – лучший из походов в его жизни. Как мешало тогда глупое волнение, но как мудра оказалась шестнадцатилетняя девочка.

– Пешее путешествие заканчивается, дальше – в воду (подмывало сказать – вплавь) по переходу, – выдавил из себя Тристан.

Он лишь мельком взглянул на Лилию и тут же зарделся: как же она была красива. Решительности в ней не убавилось и хватило бы, скажи вслух о пересечении преграды вплавь. Лилия уставилась на него бесцеремонно изучающе и вдруг громко рассмеялась. Тристан прикрыл глаза в ожидании страшного: «Раскрылось то, чего он боялся?»

Лилия же подошла вплотную:

– Дай за тобой поухаживать, – произнесла она с заботливыми нотками.

Он осмелился взглянуть на нее в упор: мокрые прядки челки приклеились ко лбу, мутовки цветущей лианы запутались в волосах, на щеке отпечатались фиолетовое пятно от раздавленной ежевики – у Лилии был вид своей в доску подружки.

– А глаза... Какие у нее красивые глаза?!

Они светились смешливым огоньком.

Глядя на Лилию, Тристан представил со стороны себя: улыбнулся следом, и они рассмеялись друг другу в голос. В камышах сбоку подозрительно зашуршало. Лилия метнулась к нему:

– Что это? – дрогнул ее голос.

Частичка веселого нрава Тристана взбрыкнула – он подыграл ее страху.

– Бежим, кабан шалый ломится на нас!

В тот же миг огромная белая цапля тяжело взмыла над их головами, обдав тугим потоком воздуха. Лилия испугалась, но и в этом состоянии улыбочивая складочка не покинула уголков ее губ, совсем как на фотографии.

Лилия шлепнула его по руке:

– Разбойник. Разве можно так пугать девочку?

В напускном негодовании Лилия стала еще прекраснее. Тристан никогда не встречал таких свойских красивых девочек. Школьные красавицы рядом с ней напоминали ему идолов из «Истории древнего мира». Вопрос замер на лице Лилии, она чего-то ждала от него. Оказалось: его следующих действий.

Она первой нарушила молчание:

– Я плаваю плохо, и не в купальнике...

От такого прямого интимного откровения скованности у Тристана поубавилось:

– Тут совсем недалеко брод, – махнул он рукой в сторону, украдкой примеряя ее рост к себе, – местами тебе будет немного выше колена, а бывает и того... совсем с головой. Пока не поздно, возвращайся назад.

– Решительное «нет», только вперед! Мой папа не брал Берлин, его война закончилась на Балатоне – он мне говорил: отступающие встречают смерть спиной – и их не называют героями. Я хочу встретить трудное испытание лицом.

Вперед, Тристан? И, чур, не оборачиваться.

– Но ты же можешь оступиться и начать тонуть?

– При чрезвычайных обстоятельствах повернуться можно. Обещаю быть внимательней.

Тристан, войдя в воду, провалился в ил по колено. Вода согревала – она оказалась значительно теплее воздуха. Старательно разгребая перед собой тину, Тристан известным ему переходом повел Лилию вглубь прогалины камыша, задним зрением держа ее в поле обзора. Платье ее уже тащилось по воде.

Тристан посерьезнел, когда понял, что со своими шутками переиграл. Он попытался исправить ошибку.

– Ближе к островку может вальдшнеп вспорхнуть, не пугайся. Ничего смертельно опасного в этих болотах нет. Есть гадюки, но в воде они не агрессивны.

При слове «гадюки» глаза Лилии расширились.

Глава 5

Приближались к критической глубине. Тристан старался вести по высокой кромке подводной гряды.

– Здесь мельче, – объяснял он, – однако, больше возможности потерять равновесие и окунуться с головой.

Он рисковал, желая, наверное, совершить героический поступок по спасению Лилии. Ноги сползали с осклизлой поверхности, временами срывались и вязли в илистой ловушке. С коварством вражеских мин сзади всплывали рогатые водяные орехи. Пузыри забродившего сероводорода ударяли в нос едким запахом, пузырями вырываясь наружу, пугали Лилию.

До островка добрались благополучно, если не считать ее вымокшего по пояс платья и его прилипших к телу, облепленных ряской трико. Мокрое платье облегло тело, просвечиваясь конфигурацией черных трусиков. Сладостная волна подкатила к груди Тристана. Он гнал из головы выплзшие из недр пакостные мысли, сжав руки до онемения пальцев. Разозленный потерей управления Тристан ожесточенно ударил по воде кулаком – брызги веером разлетелись в стороны. Лилия в недоумении остановилась. Тристан жалко улыбнулся ей, демонстративно, как это делают мокрые собаки, встряхнулся, пытаясь шуткой отвлечь ее. Лилия глубокомысленно покачала головой.

– Я в порядке, двигаемся дальше, – не на что другое не нашелся он.

В укромном месте, замаскированный камышом стоял его плот. Набравшийся влаги грузный плот имел на вид сомнительную плавучесть. А пересечь на нем предстояло порядка ста метров глубокой части озера.

В своей стихии Тристан потерял скованность, стал командовать и наставлять совсем так, как если бы рядом находился Вовчик. Всего различия: команды и наставления он сам же и выполнял. Лилия суежилась в помощи вытолкать тяжелый плот на открытую воду. В суматохе они едва не разрушили гнездо. У самой воды, в углублении сухих водорослей, покоились шесть пятнистых крошечных яичек – Тристан дотронулся до них – они еще теплились.

– Уточка-чирок, – голосом знатока шепнул Тристан, – метелка камыша сохранит тепло, пока мы отсюда не уберемся.

Лилия наклонила камышину – не тут-то было: оторвать живой стебель растения без ножа оказалось невозможным. Тристан пришел на помощь, привычно перекусив вязкий стебель метелки зубами.

Бляшки ряски украсили волосы Лилии. Ее внешний вид напоминал решительную амазонку, готовую к любому отчаянному шагу.

Плот, к счастью, держал их, но подошвы ног стояли в воде. Лилия, расставив для равновесия ноги, исполняла данный им совет – замерла, не шелохнувшись. Как бывалый шкипер Тристан вел тяжелый плот на другой берег, осторожно окуная в воду, то с одной, то с другой стороны самодельное весло. Окуни гонялись за гамбузией, беспорядочной россыпью она выбрасывалась из воды, попадая под ноги.

Плот представлялся Тристану солидным кораблем, на котором он капитан, Лилия была на нем драгоценным пассажиром. Теперь он мог откровенно разглядывать Лилию – она стояла к нему спиной. Залюбовавшись, греб не спеша. Ему открылась еще одна пикантная особенность: к родиночке на лбу – она делала ее очень милой, он разглядел другую, сзади, недалеко от уха. Мокрые завитушки волос разделились, оголив нежную влекущую шейку.

Недалеко, метрах в пяти от плота, выскочила из воды крупная рыбина – Лилия от неожиданности вздрогнула. В своей сути она оставалась девчонкой.

– Сазан жирует, – успокоил ее Тристан.

Берег медленно приближался. Показалась отмель, образовывавшая тихую заводь. Тристан вел плот в том направлении, там он обычно закидывал удочки.

– Отдать швартовы, – скомандовал самому себе Тристан, разгоняя плот усердной работой весла. Тяжелый плот неуклюжим крокодилом выполз на дерн прибрежной полянки.

Уже рассвело. На востоке занялось малиновым светом. Скоро взойдет солнце. Тристан суетился. Совсем близко он видел ее лицо – в серых лучистых глазах продолжала таиться задорная смешинка.

Укрепив удилица на рогатинах, Тристан разжег костер. Лилия помогала ему – выбирала выброшенный на берег сухой топляк. Тристан старался не смотреть на нее, глаза же силой нечеловеческого противодействия тянулись обласкать желанный профиль. Тристан никак не мог воздействовать на расшалившуюся природу. Обтянутые трико выдавали его внутренние терзания.

– Я тебе нравлюсь? – камнем на голову свалилась внезапная фраза Лилии. – Не бойся, смотри на меня, сколько хочешь...

Костер быстро схватился жаром. Лилия решительно, не дожидаясь особых указаний, стянула мокрое платье, картинно преобразившись, поочередно подставила огню спину, потом грудь. Теперь Тристан, не отрываясь, замороженно смотрел на нее: ажурные черные трусики дополнял такой же черный бюстгальтер. На подъеме груди красовалась еще одна маленькая родинка. Тристана прохватил озноб, но это был не озноб охлаждения. С ним такое произошло однажды, во сне. Проснувшись в сильном возбуждении, он почувствовал неудобство от измазавшей его жидкости.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, он снял мокрые трико, подошел вплотную и обнял Лилию, прижимаясь щекой к месту с родинкой – лицо утонуло в бугорках наливающихся грудей. Лилия замерла и стояла, не шелохнувшись. Тристану хотелось пойти до судороги дальше, но внутренняя борьба сдерживала его действия, лишь усиливая дрожь.

– Ты так сильно хочешь меня? – наконфеченным теплом дохнула ему в ухо Лилия. – Я могу разрешить..., – затаенно прошептала она, – только, пожалуйста, без последствий.

На грани потери рассудка, трясущимися руками Тристан коснулся ее трусиков, но проклятая жидкость вне его воли вылилась из него задолго до момента истины. Лилия не стала докучать – она улыбнулась и погладила его по соломенной голове:

– Милые вы мои, несчастные мальчики...

...Простота спутницы, подсохшая одежда, абсолютный штиль и сумасшедший клев, успокоили Тристана – он стал тем, кем был всегда – фантазером и мечтателем. Недоразумения, как бы, и не произошло. Вначале сдержанного, скованного, с идущей из далеких недр сознания опаской – сейчас его несло на крыльях вдохновения: одна невероятная история сменяла другую. Лилия округляла глаза, не успевая сообразить, где правда, а где вымысел. Незаметно, между репликами, вытащили с десятков головастых бычков-чернушек, несколько приличных окушков. Общим достоянием стали пять приличных сазанчиков – мелочь выпускали назад. Лилия к ловле приноровилась быстро, хотя призналась, раньше никогда не рыбачила. Все у нее получалось не по-девчачьи ладно.

Всходило солнце, ослепляя, ударило по глазам сполохами расплавленного металла. Как по мановению всемогущего мага, гладь озера в мгновение остановилась стеклом: перестали плескаться окуни, лысухи направили свои курсы вглубь камышовых заводей, застыли и поплавки – замолчал Тристан, приводя в порядок разгулявшееся воображение. Лилия приуныла, как оказалось, готова монолог.

– Когда приду домой, обязательно сделаю запись в дневнике о нас. Без подробностей, конечно... Мое мнение о вас, мальчишках, сильно изменилось. Вначале Васечка, теперь ты разрушили прежний стереотип. Вы такие разные. Вася хороший, добрый, но очень скучный и без фантазии. Через три дня мы уезжаем к бабушке в Москву. Ты будешь мне писать, Тристан?

Лилия раздробила его имя на слоги. Она видела в этом какой-то свой затаенный смысл?

Обратный путь они проделали в молчании, в ореоле объединившей их тайны. Тристан окидывал прощальным взглядом ее ладную фигурку, стыдливо опуская лицо при воспоминании недавнего казуса. На островке, толкая в четыре руки плот, Тристан неуклюже приобнял Лилию, с громко бьющимся сердцем поцеловал родинку за ушком. Лилия мягко отстранилась, шаловливо погрозив ему пальцем:

– Прости мне мою слабость. Ты хороший мальчик, правда?

Глава 6

...Потом Тристан написал Лилии много писем, эмоциональных, трепетных, писанных на одном дыхании, и других – выстраданных не одним днем. В одном из них он признался ей в любви – это письмо Тристан так и не отправил – побоялся нарушить сложившуюся в процессе переписки дружбу. В его письмах и без прямого признания оно читалось между строк. Никогда, ни малейшим намеком, ни он, ни она, не обмолвились о неприятном инциденте с его полным фиаско. Своим присутствием в его жизни Лилия придала ему смелости – Тристан перестал стесняться девочек. Именно Лилия подтянула Тристана к содержательным мыслям, приобщила к внешкольной философии Сократа. Переписка прервалась внезапно, на самом пике – Лилия не ответила на его пространное философское письмо о смысле жизни и месте в ней красивой женщины. Тристан долго хранил ее письма, наверное, хранил бы вечность, не распространись в те места болезнь сепаратизма, разделившая дружественные некогда республики. Вывозя маму из отделившейся территории, буквально последней рейсовой «Кометой» (железная дорога уже не функционировала), Тристан стоял перед выбором, что брать в первую очередь. Не хотелось обижать маму, и взяты были, по возможности, дорогие ей вещи, остальное, в том числе письма и фотографии, он намеревался увезти потом. «Потом» растянулось на годы. С появлением первой возможности он таки вернулся за дорогим ему, но чувства близких людей оказались не искренними – оставшееся на «потом» не сохранилось. Все, кто имел малейшую зацепку на стороне, как и они с мамой, покинули республику, не сумев сберечь оставленное им достояние – дорогая память покоилась теперь на одной из многочисленных мусорных свалок, под спудом сгнившей совместной истории.

P.S. Вернувшись на озеро спустя много лет, Тристан с трудом узнавал памятные места. Конфигурация заводи напоминала ему место, где они с Лилией совершили попытку, минуя несколько промежуточных ступеней, войти во взрослую жизнь. Военная бронетехника утюжила дно грязного водоема, испытывая достижения национальной гвардии. В том месте, где каждой весной расцветали ковром колокольчики и гнездились водоплавающие, пузырилась черная зловонная жижа.

Он ехал сюда с воодушевлением: посмотреть, вспомнить, отыскать следы Лилии, но после увиденного стало тоскливо до слез – он понял: прошлого не вернуть.

Так и осталась эта история неоконченной картиной в невероятных судьбах его и случайной девушки. Возможно, они стали бы самыми счастливыми людьми на всем белом свете и смогли бы сохранить добрую память юности, оберегая свое озеро для потомков. Возможно, их дети смогли бы написать другую историю, со счастливым концом. А пока...

Часть 2

Надюша

Спасибо за то, что разожгла костер.

Глава 1

Душный поезд отстукивал очередные метры, увозя Тристана все дальше от родного гнезда. Пейзаж за окном менялся, а в сердце глубже залегала тоска. Предстоящая неизвестность сковывала простор. Мысли сделались куцыми и беспорядочно глупыми, похожими на утиное семейство, застигнутое врасплох на середине улицы. «Мартин Иден» не концентрировал внимание, хотя сюжет вполне соответствовал завязке предстоящих событий. Под воздействием духоты, бессонной ночи, постоянного взаимодействия большого количества людей, ему во всем виделся огромный механизм, в который он, Тристан, попал по чьей-то оплошности: в нем он чувствовал себя никчемным винтиком, попавшим сюда не по назначению. Сосредоточением ума он пытался привести себя в первоначальный порядок, найти комфортную нишу в хаосе биополей и магнетизма. Люди что-то делали, перемещались, спали, читали, бессмысленно мелькали по нему взглядами.

Нам-то с вами понятно, откуда эта разбалансированность: первая далекая самостоятельная поездка, предстоящая встреча с родным братом отца, по словам мамы, очень похожим на отца, к тому же – бессонная ночь.

Как успокоить его, как объяснить, что это есть свойство всех эмоциональных и гиперчувствительных натур, постоянно копающихся в своих новых ощущениях? Иногда это свойство считают достоинством!? Повествование может послужить назиданием для становления любой другой личности. Заодно можно напомнить две известные истины: «Воспринимай окружающее, как постфактум, если ничего не можешь в нем изменить» и другую, не менее насущную: «Бог даст день – Бог даст и пищу».

Пейзаж за окном поезда преобразился с холмистого на равнинный. Простор значительно раздвинулся, и мысли мало-помалу упорядочились. Мелькающие в лесополосах сороки вызвали неуправляемые нервные импульсы, проявляясь в зрительном приложении, заставляли критичнее оценивать меняющуюся действительность.

Шестнадцать лет – возраст достаточный для умозаключений и анализа действий. А, если учесть отсутствие житейского навыка, да повышенную эмоциональность, да праведность долга, да еще массу не созревших «но»? Остается пустой цифровой эффект. Специфический подход учтет и этот факт, но что он в сравнении с «ниагарской» энергией? Пшик! Брызга упорядоченного миллиграмма на излете возможности.

Пришла вторая ночь. В окне, как в зеркале, отразилось течение окружающей суеты. В полузабытье, лежа на боковой полке в начале вагона, Тристан слушал витиеватую речь охмуревшего от алкоголя проводника, обиженного на весь мир за то, что ему, окончившему индустриальный институт, приходится работать без напарника, прислуживать и шустрить всем, чем придется, ради достойной жизни семьи.

Далеко за полночь сморило: сопутствующий фон отодвинулся куда-то далеко-далеко, а потом и вовсе растворился в шумах сновидений.

Глава 2

Очнулся Тристан от треска динамика и напоминания о прибытии на конечную станцию следования. Сердце сквозь сон екнуло. Нужная станция осталась далеко позади в туманной дымке рассвета, под сто километров назад.

Обрюзгший, вывалянный в перьях проводник пытался вспомнить самого себя. Наспех одевшись, затолкав в чемоданчик вещи, вылетел пробкой из кислой атмосферы вагона.

Вокруг незнакомый мир, старинная архитектура в стиле ампир. На серых фресках пыль веков. Площадь запружена машинами. Снующие взад-вперед люди отрешены настолько, что казалось, выпади сейчас, среди знойного лета, снег – ничто не удивит и не остановит муравьиною целеустремленностью толпы.

Первый самостоятельный выход в большой свет начинался с испытания на состоятельность.

В сквере с «Чучелом» в граните нашел свободную лавку, вздыбленную планками. Обдумывая дальнейшие действия под аккомпанемент вороньих разборок в кроне вековых деревьев над головой, зажевал позавчерашнюю обсыпную булочку.

– Давай без суеты, успокойся, весь день впереди. Билет пропал – денег на один скромный день существования. Есть единственная возможность, – рассуждал Тристан, обозревая окрестности, – короткими «перебежками» на электричках, пусть малым ходом, но наверняка.

Судьба каждому из нас расставляет акценты. Наши устремления одни, а мы двигаемся туда, куда еще вчера не могли и помышлять.

Воронье разгалделось – сверху дождем полетели брызги помета. Дефектная лавка да чрезвычайный факт заставили подняться до окончательного решения.

Пригородный вокзал обозначился вывеской на одном из фасадов отдаленного здания, серого в общий тон, но пониже основного.

Ближайшая электричка по расписанию в нужном направлении через пятьдесят минут. Шагая по перрону, Тристан изучал его возможности. Он исключил свободное место на лавке рядом с подпитыми мужиками; на другой лавке сидели две цыганки – старая и молодая. Они мирно запивали раскрошенный на коленях батон белого хлеба одной на двоих бутылкой «Ситро». Тристан скромно присоседился с краю, стараясь не глядеть в их сторону, и все ж не остался без внимания.

– Красавчик, голубоглазый, дай ручку погадаю. Денег нет – знаю. И кушать хочешь!? – придвинулась к нему цыганка – та, что моложе.

Тристан повернул голову: сквозь него прошли и остановились в затылке черные немигающие глаза. От их пронизательности по спине пробежал холодок. Из-под повязанной поверх ушей косынки выбилась совершенно седая прядь – она делала ее красивое лицо тусклым.

По перрону дефилировал наряд милиции, ощупывая всех липким изучающим взглядом. Прожекторы их взглядов не миновали и лиц цыганок, однако, надолго не задержавшись.

Допив последние капли из бутылки, молодая цыганка встала, оставив спутницу одну. В мгновение, так уходит вода в сухой песок, она растворилась в прибывающей толпе.

Вкрадчивый голос сзади, в самое ухо, так близко, что от дыхания всколыхнулись волосы, заставил Тристана вздрогнуть. Цыганка присела совсем рядом, улыбаясь, ткнула ему в грудь ароматный рогалик с бутылкой кефира. Тристан опешил, не зная, как повести себя. Цыганка поставила бутылку на лавку, умудрившись с легкостью расположить рогалик на узком горлышке:

– По-окушай, по-отом расскажу все про тебя.

И отвернулась, затараторив о чем-то со своей спутницей, сыпля винегретом непонятных слов.

Тристан видел скудность их стола и не смел притронуться к царскому дару, хотя к оставшимся у него грошам он мог стать хорошим подспорьем. Цыганка, оборвав на полуслове разговор, резанула по его глазам своими антрацитовыми, потеплевшими на мгновение глазами:

– Ты го-ордый, так нельзя – пропадешь, бери-хватай от жизни все, что само идет в руки.

Видя нерешительность Тристана, она продолжала:

– Хорошо, возьми с собой, потом поешь.

Ее просительному тону невозможно было противиться – пришлось прибрать еду в сумку.

Тристана одели с иголки – мама хотела представить сына в безбедном виде, выложились, придавая его статусу состоятельное положение. Светлые лавсановые брючки дополняла новая сорочка в мелкую клеточку – на ногах остроносые, сшитые на заказ зеленые мокасы. Внешний вид жалким никак не назовешь, но как цыганка с лету узнала о его бедственном положении?

В южном регионе, откуда ехал Тристан, о цыганах бытовало не лучшее мнение: попрошайки, мошенники, маркитанты. Возможно, осторожность его была оправданной, однако, характер его с приличным налетом романтизма не позволял слепо подчиниться сложившемуся мнению. В целом, бродяги цыгане воспринимались им лично неизменным дополнением южной экзотики.

Меж тем, цыганка придвинулась ближе, настойчиво притянув к себе руку Тристана – он не воспротивился этому. Качая головой, изучила ладонь, прищурила на некоторое время глаза, задумалась. Не отпуская руки, повернула ее ладонью вниз – накрыла своей.

– Послушай меня, соколик, внимательно, – зловеще прошептала она, устрашающе округлив глаза.

Тогда, в силу молодости, Тристану ее слова не показались серьезными, более того – ее напускная маска виделась наигранно смешной.

А цыганка вкрадчиво продолжала:

– У тебя, мой хороший, сложилось два пути: один легкий, другой – трудный. У всех остальных по-другому, не так, как у тебя. У тебя вижу очень большую разницу. Ты выбираешь трудный путь вольно, а на нем тебя ждут болезни и разочарования. Вижу: ты добьешься в жизни многого, и проживешь... – взгляд цыганки проткнул его стрелой, – долгую жизнь. Оглянись назад. Видишь: из трещины в асфальте пробился росток. На этом месте росло дерево – его спилили, а сверху положили асфальт?! Любовь побеждает все! Любовь к жизни пробила путь к солнцу через асфальт! – повысила цыганка голос настолько, что подвыпивший военный на соседней лавочке выразительно приложил палец к губам.

– Твоя судьба будет такой же, – перейдя на свистящий шепот, продолжала она. – Откажись от этой поездки, иди сейчас в другое место, и все будет по-другому: твоя жизнь потечет другим путем. Тому военному, – она кивнула в сторону, – совсем мало осталось: вижу чужие скалы и его с окровавленной грудью. Будет убит далеко отсюда совсем скоро.

Тристан хотел улыбнуться и не смог, его губы сковала скорбная мимика.

Подходивший электропоезд возвестил переполненный перрон о прибытии, занудно прокрипев тормозами, остановился.

– Иди, соколик, иди... или оставайся. Мы можем, но не хотим жить по чужому совету.

Если бы он тогда знал, что слова цыганки окажутся пророческими, изменил бы он свою судьбу?!

– Оставь мне что-нибудь на память, – остановила его за руку цыганка, стоило Тристану подняться.

Кто принимает всерьез слова случайной вещуньи, если тебе шестнадцать?

Благодарный за внимание, Тристан подумал:

«Кроме смены вещей, в сумке лежит книга Джека Лондона (в то время большая ценность), новенький компас, подаренный Васькой, и последние три рубля денег.

Тристан вытащил книгу и протянул ее цыганке. Скороговоркой поблагодарив за внимание, побежал к ближнему вагону.

– Ты будешь писать книги, – услышал Тристан вдогонку.

Глава 3

Электричка набрала скорость. Станционные постройки отстучали последние метры. За окном плыли бесконечные посадки с вездесущими сороками, перепархивающими с места на место. Теперь они не вызывали тех острых импульсов, пронизывающих грудь напоминанием о далеком доме. Сзади неказистого вида мужичок делился с пацаном-соседом опытом поездок зайцем на этом маршруте. Из разговора Тристан понял: самое неприятное – высадка на промежуточном полустанке и потеря многих часов до следующей электрички. Перспектива ночевки на лавке затерянного полустанка его особо не удручила, но от позора он поспешил в тамбур, где можно не прилюдно сдать на суд контролеров. Глядишь, после объяснения сжалятся и простят. Он так и простоял в напряжении всю дорогу до узловой станции. Спустя три часа выскочил вместе с потоком пассажиров на платформу. От радости маленькой победы Тристан замурлыкал в тоне веселого марша «Прощание славянки».

Вышагивая под принятый ритм, двинулся к станционным постройкам. Растянувшийся на холме серый неприветливый город умерил его победный пыл. Оторвавшись от потока, Тристан медленно побрел к зданию вокзала. Движение по пригородному расписанию можно было продолжать лишь через четыре часа.

Одноэтажное помещение станции дышало множеством разноликого люда, совершенно безразличного к нему, Тристану. Не желая сидеть в духоте, он пересек улицу в поисках удобного местечка. В пыльном сквере, недалеко от магистральной дороги, такое место нашлось – здесь он достал уже забродивший кефир с примятым рогаликом, вспомнив добрым словом сердобольную цыганку.

Поев, огляделся. На обочине дороги голосовала большая группа людей: руки забиты покупками, а напыщенное пестрое одеяние выдавало в них сельских жителей.

В течение часа практически все сообщество рассосались – оставалась одна, хорошо приметная высоким ростом суетливая девушка – она продолжала оставаться и с вновь подошедшей группой людей.

Вывернувший из-за поворота «Рафик», лихо затормозив, собрал всех желающих. В этот раз «модель», как окрестил ее Тристан, уехала.

Посмотрел на часы – скоротался один час. Другого занятия выбирать не приходилось, поэтому продолжил наблюдать за особенностями новых людей, таким нехитрым образом убивая время.

«Что видят мои старые глаза?» – вскрикнул Тристан цитатой из недавно прочитанной книги.

По обочине дороги, ссутулившись, понуро возвращалась знакомая «модель».

На фоне чужой неудачи своя показалась такой ничтожной. Девушка с завидным упорством вернулась на прежнее место и продолжала стоять еще около получаса. Тристан держал ее теперь в постоянном поле зрения – интрига затягивалась.

В какой-то момент девушка засуетилась больше обычного – метнула глазами в сторону Тристана. На другом конце скамейки, рядом с ним, медитировал зачуханный мужичок – он давно к чему-то принаравливался.

Увидев приближающуюся девушку, мужик решил:

– Парнишка, пособи болящему, чем можешь...

Мимика его молила о подавании. Но девушка заторопилась, перед скамейкой застыла – угловато, бочком, тяжело осела между ними. Потухшим взглядом девушка скользнула по фигуре Тристана. Мужик резво поднялся и отскочил в сторону.

– Ох-хо, Надюха, болеешь все? Теперь-то точно не подаст... – сказал, как простонал, мужик и озадаченно побрел в сторону голосующих селян.

Тело девушки начало неестественно сползать к Тристану – затылком она уперлась в его руку, длинные ноги вытянулись за пределы скамейки. Девушка закатила глаза, дыхание стало прерывистым, из уголков рта потекла пена. В следующий миг скамейка задрожала от бьющей ее судороги. Тристану стало жутковато. Он вскочил. Без его поддержки голова девушки билась о планку лавки. Это было похоже на самоистязание. От сострадания и от испуга Тристан, плохо владея собой, одернул задрывшееся выше положенного платье, сел рядом, охватив ладонями бьющуюся об лавку голову, совершенно не понимая, чем еще можно помочь. Пришло на ум услышанное когда-то – «падучая». Впервые так близко и совершенно неожиданно для себя он наяву увидел проявление этой страшной болезни. Судороги девушки переходила в конвульсии, затем вновь в судороги. Тристан бегал глазами по сторонам, моля кого-то неведомого о помощи. Худенькое тело девушки обмякло вмиг, в тот же миг став похожим на брошенную тряпичную куклу. Тристан держал ее голову и видел, как веки ее задрожали. Девушка открыла глаза, не совсем понимая, где она находится. Голосующие люди сгрудились на обочине, сострадательно пялясь в их сторону. Возвращаясь из далекого далека, девушка медленно приходила в себя. Глядя на ее бледное, испачканное слюной лицо, Тристан вытащил полотенце и осторожно вытер его. Девушка попыталась перехватить его руку, жалко благодаря одними глазами. В голове Тристана, наконец, что-то стало складываться – он сорвался с места. В киоске неподалеку купил бутылку минеральной воды и предложил ей.

– Простите меня, извините меня великодушно, простите за доставленные неприятности, – лепетала девушка, протягивая руку за бутылкой.

Не отрываясь, с жадностью выпила несколько глотков.

– Вам нужен врач?! – спросил Тристан.

– Нет, нет, все прошло, мне уже лучше. Спасибо. Оказывается, остались на земле сердобольные люди, – с благодарностью во взгляде произнесла девушка, стыдливо прикрывая колени руками. – Меня уже многие знают здесь и не берут в машину, не хотят нежелательных ощущений в дороге, ведут себя так, словно я заразная.

Она завозила, устраиваясь на скамье удобнее. В глаза бросилось расплывшееся мокрое пятно по подолу голубого сарафана. Люди на обочине разъезжались – подходили другие. Очевидцев разыгравшейся трагедии не оставалось – на сидящую на лавке парочку больше никто не обращал внимания. Тристан посмотрел на часы: до электрички больше двух часов.

– Что намерены делать дальше? – стараясь не смущать девушку детальным взглядом, обратился к ней Тристан.

– Отдохну и буду пытаться уехать.

Тристан искренне хотел ей помочь и не смог не спросить.

– Я могу чем-то вам помочь?

– Мо- о-жете, но ведь вы не местный, вам самому куда-то надо спешить, – смущенно произнесла девушка с вопросом во взгляде.

По внешнему виду она казалась немного старше его. Да еще высокомерное «вы», предложенное ею, создавало в общении некую преграду. Поддерживая заданную высоту, Тристан рассказал ей свою историю. Она слушала, но отвлекалась мыслями о своем.

– Без сопровождения мне отсюда не уехать. Водители левачат и не хотят проблем. Помогите, пожалуйста. Живу я в Селичевке, сорок пять километров отсюда. До сих пор мне помогало мое имя, если бы не оно, прохлаждаться бы мне уже давно в «дурке».

Тристан догадался, какое имя может держать на плаву в полной житейской безнадеге.

– Вас звать Надей? А я Тристан...

– Сколько себя помню, меня всегда звали Надюшей...

Тристан ничего не имел против Надюши – просто Надя для нее, действительно, казалось грубоватым.

Надюша с каждой последующей минутой наполнялась жизнью. Через полчаса от болезни не осталось и следа – лишь легкая печалинка в глазах выдавала недавно пронесшуюся бурю.

«В деревеньке, в пятидесяти километрах отсюда, живу я вдвоем с бабушкой. Отец «сгорел», как многие здесь, от беспробудной пьянки. Мама вскоре за ним умерла от непонятной болезни. Местная бабка Верейчиха (с нечистой силой путается) поставила диагноз: «От тоски мама умерла, да от несбывшихся надежд». Отец-то в прошлом агроном, а мама техник – технолог молочной промышленности. Сестра Галка поступила в техникум – учится первый год. Она югом и морем бредит. Сбежит отсюда, не задумываясь, в поисках своего особенного счастья – останусь я навсегда одна с бабушкой. Сегодня возила продавать всякую всячину на рынок, заодно дала телеграмму сестре, подмениться с ней на время, хотя и понимаю, кто ее на первом-то курсе отпустит. Прошел слух о народном целителе из Сибири, к которому хочу поехать на прием. Лечит он такие болезни – исцеленные люди уже есть. Месяц назад разбила в автобусе голову – теперь и вовсе без сопровождения не берут».

Такую печальную историю поведала Тристану Надюша, едва успев прийти в себя. После ее рассказа Тристан проникся большей жалостью и без просьбы понимал: не сможет он бросить Надюшу одну на произвол судьбы.

В ближайшем проулке Тристан нашел водяную колонку, где Надюша привела себя в порядок. Уже вдвоем они вернулись на исходную позицию на обочине дороги.

Глава 4

От развилки дорог вглубь степи, извиваясь разомлевшей змеей, уходила едва приметная грунтовая дорога. Редкие облака, разбросанные по ярко-голубому шатру небосвода, на короткие мгновения затеняли солнце, не успевая создать ощутимой прохлады. Порывистый горячий ветерок разносил насыщенный запах июньского травостоя. Под призывный стрекот кузнечиков Тристан и Надюша все дальше отдалялись от цивилизации. Стайка щеглов дружно вспорхнула из лопухов жирующего репейника, стоило Тристану наклониться за его листьями. Надергав лопухов на голову, едва отдалившись от зарослей на несколько шагов, из зарослей вновь зазвучали преливы мелодичного ручейка. По дороге Тристан опекал Надюшу, исподволь изучая ее состояние. Большак отстоял от деревеньки на пять километров. Шагали в мареве улетающей влаги под лучами жаркого солнца. Одиноким островком березок, да редкая поросль ольховника – единственная на всем пути защита от солнца. Надюша, не успев присесть, встала, торопя Тристана.

– Коровешку днем не доили, небось, стоит под забором и мычит, а бабушка нервничает. Она плохо ходит – сама подоить не сможет, а будет пытаться.

Суетливо меняя положение по отношению к Тристану, перемещаясь то влево, то вправо, активным нетерпением Надюша подгоняла его. Но он умышленно затягивал время, хорошо помня извивающееся на лавке беспомощное тело. В ложбинке ориентиры дороги потерялись. Низинкой перейдя в сплошной травостой, она изредка выдавала себя не успевшими зарости проплешинами. Надюша независимо от ориентиров уверенно держала курс.

– Идем мы по старой дороге, так немного короче, дальше они соединятся, – будто успокаивала она Тристана, не забыв посоветовать подкатить брючки.

Миновали недавно сереющую вдаль силуэтом лесополосу. Незаметно и подошли к окраинному домику деревеньки. Высоченный жирный бурьян окружил домик стеной. И таких участков вокруг преобладающее большинство. За редкими домами сохранялся какой-то уход, а на каждом «живом» хозяйстве лежала печать милого русского убожества. Соцветия сорняков разбрасывали в воздух парашютный десант семян – они липли к потному лицу, лезли в глаза, щекотали в малодоступных местах. И все же зной шел на убыль. Лопухи репейника, безжизненно обвисшие на голове, отработавшие свою миссию, ненужностями ниспадали на плечи. Надюша со смехом сбросила их, сбросив заодно шутливо и с головы Тристана. Она казалась вполне здоровой: лицо порозовело, а рассеянный, немного притомленный взгляд мог сойти за обыденную усталость. Она хорохорилась, вслух строя планы на будущее, эмоционально делилась возможностями своего хозяйства. Уже со слов Тристан полюбил ее добрую кормилицу – корову «Куклешку».

– А вот и наше хозяйство, – сказала неожиданно Надюша, взявшись за калитку, слепленную из деревянных жердей. Рыжая тщедушная дворняжка, извиваясь червяком, выкатилась под ноги, пометив от радости запыленный зеленый мокасина Тристана. От заднего двора несло надрывное мычание.

В прохладной мазаной хатке, на широкой самодельной тахте покрытой лоскутным покрывалом, их встретила учтивая старушонка. Резво, по-свойски, она протянула Тристану руку, да так запросто, будто приход в дом постороннего человека – сушая для нее обыденность.

– Варвара Николаевна, – бодро отрапортовала она, с трудом, постаравшись галантно оторваться от тахты. – Надюша, я заждалась тебя. Прости меня, я обмочилась...

В этот день Тристан решил не спешить с отъездом, переодевшись в «домашнее», взялся помочь Надюше. Во время общения он оценил ее главное человеческое свойство: «Непротивление злу насилием». С каждым ее действием Тристан убеждался в правоте близких ей людей, называющих ее ласково – На-дю-ша.

К шестнадцати годам Тристан проштудировал многое из отечественной классики – прозы, стихов. Его житейские принципы во многом основывались на образцах произведений. «Смешались в кучу кони, люди, звери»... Он не сделал еще определенного выбора и приоритета не определил – оттого и метался, понимая, как часто подражает, копируя чужие действия. Но он мужал: рано или поздно свое в характере приобретет доминанту, а чужие примеры пройдут красной канвой через личностные качества.

Он и думал теперь о ней так – Надюша. Лилия всегда оставалась Лилией. Назвать ее «Ли-леч-ка» не повернулся бы язык. Лилия решительная, бесстрашная, с мужским волевым напором. Он и не ставил их в один ряд – и вовсе не потому, что к одной испытывал жалость, а другую, кажется, любил. Да, да – любил – он спрашивал себя об этом. ...И еще: Лилию он хотел целовать, ласкаться в ее женских прелестях. С Надюшей другое: ее он хотел погладить по голове, пожалеть.

Тристан нашел Надюшу под навесом задней стены хатки. Она управлялась с коровой: дышала отрывисто, с надрывом. Доение процедура не из легких, но Надюша ни полусловом не намекнула о трудности. Она повернула к нему счастливое лицо: пот испариной выступил на лбу, на спине ситцевое платьице отпечатало мокрое пятно.

– Коровка у нас умница, отдает молочко легко, стоит взяться за вымя, а сегодня от обиды на меня поджимает. Познакомься, Куклешка – это твой и мой спаситель.

Рыжая, с белыми пятнами на боках и звездочкой во лбу, пузатая коротышка понимающе выставила Тристану лопухи ушей.

– Угостите ее корочкой хлеба, и вы станете друзьями, – с одышкой произнесла Надюша, не прекращая процесса доения. Две тугие струи, стремительно перекрещиваясь, со звоном ударили в пенящееся ведро.

– Она маломерка, молока дает немного, а сейчас и того меньше, отдаивается уже. В августе должен появиться поздний в этом году теленок.

Благодарная за корочку сухого хлеба, корова лизнула Тристана в нос шершавым языком, дохнув в лицо горячим травяным настоем. Надюша после дойки предложила стакан парного молока – оно пахивало навозом. Тристан сначала не решался пить: городское молоко не пахло так.

– Ты пей, пей, потом ощутишь главное – послевкусие, – подбадривала Надюша.

Потом решился, не дыша, выпил весь стакан до дна. Молоко оказалось более чем теплым – оно было горячим.

– Закрой глаза, – наставляла Надюша, – и медленно выдыхай. Какие впечатления?!

Глава 5

Надюша выполняла всю работу суетливо. Тристан ее жалел, а существенно помочь не получалось. В вопросах сельского быта он проявился полной неумехой. Подержать, принести – этого казалось так мало. Кроме коровы и беспомощной бабушки на попечении Надюши оставались куры, индоутки с выводками утят и огромный огород. Собравшись готовить обед, Надюша взяла Тристана с собой в огород.

– В городе человек этой прелести лишен, – приговаривала она. – Посмотри, разве тебя не радуется вот эта морковина. Картину с нее писать. Для меня – счастье видеть результат моего труда. Галина – сестра моя, совсем другая, хотя имеет массу других преимуществ: главное – она такая красивая, куда мне до нее.

Тристан хотел возразить о красоте внешней, что-то сказать о внутренней, но Надюша не давала ему раскрыть рта.

– У нас всего понемногу.

Она говорила о своих действиях во множественном числе, не кичась какой-то своей особой заслугой. Все, что он видел вокруг, сотворили и лелеяли ее руки. Аккуратно разграниченные грядочки без сорняков Тристан видел на рекламных буклетах опытных хозяйств. Все радовало глаз. До сих пор он не знал в себе такого качества: получать радость от обозрения симметричных огородных грядок. Надюша коснулась его плеча:

– Ау-у, тебе не интересно?

Тристан задумался и не нашелся, как с лету правильно преподать возникшее в нем восхищение, поэтому лишь улыбнулся.

– Рвем на салат огурчиков. Помогите мне – подержите миску. Помидорчики не достаточно покраснели. Ах вы, паршивцы, вот, парочку зрелых нашла-таки, – приговаривала после каждого маленького действия Надюша, общаясь на два фронта. – Теперь рвем зелень. Картошку будешь копать? – Тристан активно вонзил лопату в землю. – Лопату ставь сбоку, не порань клубни. Отлично, клади землю в отвал. Правда, красивая, красненькая, ранняя – этот сорт называется «красная роза». Она не доросла еще, а будет раза в два крупнее.

В городе Тристан не знал огорода – все приносилось с рынка мамой. Незаметно для себя они перешли на доверительный тон: отныне без конфуза говорили друг другу «ты». Тристан больше чувствовал – меньше говорил, он знал: умение слушать – качество куда более ценное. Поглядывая на него, увлеченная повествованием Надюша продолжала:

– Трудно с поливом в засушливое лето. Мне всего жаль – поливаю каждый день. Воду таскаю из колодца в бочку – там она прогревается. Все культуры поливаю теплой – ее растение принимает без ущерба.

Явное ощущение ее усталости все же пришло, но только тогда, когда пунцовое солнце спрятало лысую маковку за синеющую на горизонте лесополосу.

– Ты по-хорошему отдыхаешь? – спросил Тристан у приунывшей Надюши.

– Стану бабушкой – вот тогда и отдохну. При этом едва слышно вздохнула.

Что она в это время подумала, Тристан спросить не решился.

На следующий день Тристан уехать не посмел, хотя Надюша и настаивала:

– Видишь, я вполне здорова – сама справляюсь. Меня поддержит наш целебный воздух.

В этот же день страждущий алкаш за «бутылочку» скопил травостой в сыром ложке за домом. Надюша освоила и производство самогонварения. Тристан уже знал: назавтра траву надо перевероршить, а следующим днем, по росе – копнить.

Он не представлял, как Надюша с этим бы справилась сама. Через день, ранним утром они вдвоем копнили сено, тогда он и убедился в ее возможностях. Надюша стояла на копне – Тристан вилами подавал ей очередную лепешку пахучего, как чай, сена. Пьяняще чистый

воздух русской глубинки, незнакомый быт обезоружили его в прошлых притязаниях, сделали мелкими и никчемными прошлые тревоги.

Высоко в небе заливались жаворонки. Желтая трясогузка в метре от них в стерне добывала личинок, тюр-кали перепела, предупреждая свои выводки о близкой опасности.

Тристан много останавливался, делая вид, что отдыхает – Надюша же подгоняла:
– Сохнет роса, сено рассыплется и потеряет ценность.

К обеду посреди скошенного луга красовались три аккуратные конусовидные копны. С последней копны Надюша озорно съехала, сдерживая по бокам воздушное ситцевое платье. Ее стройные ножки все равно блеснули очень высоко стыдливой белизной.

Прошла неделя, а работа не убывала. Тристан понимал: его начнут искать. За это время он съездил в город: отвез головку сыра, ведро яиц, с полмешка моркови и картофеля. Он никогда не торговал на рынке и ужаснулся при мысли, что сказали бы, увидев его там знакомые, или, чего доброго, мама. Голосуя у знакомого сквера, Тристан живо представил их встречу здесь, понимая, как трудно будет оставить ему Надюшу одну на все объемное хозяйство. Сестра Галина на телеграмму не ответила. Не могла знать Надюша условий ее обитания.

Часть 3 Мотька

Глава 1

Матреной она оставалась до той поры, пока не стала осознавать, как серо и архаично звучит ее имя на фоне замысловатых имен лощенных упакованных подружек. Лилиан, Сабрина, Вивьен, Лаванда, Лаура – красотой созвучий уже достойны внимания.

«Господи, за что мне такое наказание?! Соображаю в науках лучше, потому и тянутся за мной?! Как несмываемое клеймо: Матрена Ленкомовна!»

Подобные нелегкие мысли ее, начинающую в созревающем ракурсе познавать мир, посещали всегда по вечерам. В унылой коммунальной дыре уставшая после суетной работы мать в это время парила свинцовые ноги в оставшемся от бабушки Матрены помятом алюминиевом тазу. Мама весь день с подработкой таскала почту – уставала. В этом же тазу по бедности и неухоженности быта случалось варить джемы – Мотька очень любила сладкое. На такую роскошь как конфеты денег всегда не оставалось. Умачивая в тазу натруженные неуклюжие ноги, мама причитала и о своей нелегкой участи, и о гнусности наступившего времени, и о сопутствующем «всяком», вперемешку с ее, Матрены, настоящим и будущим. Очередной вечер зеркально отражал события вчерашнего, за исключением редких дней, когда мама, неумело нафактурив себя, пропадала на всю ночь.

От однообразия фраз Матрена уже не воспринимала смысла сказанного, она слушала, как случалось слушать при поездке к отцу на пароме мерный выхлоп двигателей. Под монотонное сопровождение она улетала вдаль парящей высоко над палубой чайкой. И потом долго, после скрежета расшатанного дивана укладывающейся на покой мамы, оставалась в ставшей почти магической взвеси. Иногда она могла поклясться утром, что слышала все малейшие звуки ночи, хотя, казалось, и спала.

«Скоро выдадут паспорт!» Она твердо решила изменить имя – стать кем-то возвышеннее, кем угодно, только не Матреной. Зараженная страстью поиска она листала случайные журналы, внимательно читала титры фильмов – искала, порой до болезненного состояния, но задача оставалась неразрешенной долго. Ответ пришел, как всякая находка, случайно...

Мама брюзжала по поводу окружающей грязи, наставляя ее на путь истинный. Вспомнила Сабрину – ее одноклассницу, дочь успешного в городе воротилы. Она называла ее не только за глаза, а и, не стесняясь, откровенно в лицо – Забубенкой за то, что та говорила неотчетливой скороговоркой.

– Дурнушка-то забрюхатела от папочкиного охранника. А ей столько же, как тебе – четырнадцать. Для нее это, может быть, и подарок, пока не потускнела – спешит. А вот мать Жанки поделилась со мной семейными горестями, – продолжала она монотонно, – Жанке, правда, пятнадцать, но там полный мрак: трахнул заезжий армянин. Шофер по доставке у нас тоже армянин, но красавец, смугл – за испанца сойдет, учтивый – такой, куда бы ни шло. Эта же сучка подстелилась под страшилую со шнобелем. Ее мать, как увидела эту харю, после признания в тягостях, не задумываясь, потащила к абортриссе, вытравить под чистую всякое напоминание о нем. А дальше, вишь, чем пахнет? Слух в этой провинции, что холодный воздух в щели нашего жилья – распространяется мгновенно. Кто в нашем городишке теперь позарится на нее, разве что, какой служивый сморчок из Башкирии заради видов на жительство? И это будет для нее бо-ольшой удачей. А ведь есть задатки, могла бы сделать удачную партию. Куда

нонче ее путь-дорожка? По рукам!.. Жизнь-то, вишь, какова? Гляди – гнусь одна, не хочу и тебе той же участи.

«Гляди..., гляди..., гляди...» – и так каждый вечер без конца и без края.

Монотонный голос матери, измученной повседневым графиком без отдыха ради хлеба насущного, и чтобы ей ко дню рождения обновочку какую, уводил в знакомые темные дебри.

Голос матери ее не раздражал, но всякий раз рождал отрешение от окружающего. Часто оно переходило в дикую жалость к самой себе: почему именно ей суждено родиться в такой семье. Сегодня голос матери пыхтел парящими дымками из труб парома. Мотька кивала, как заводной болванчик, а сама находилась далеко – в книге. Подружка Этель дала ей, как сама выразилась, философскую французскую классику. Рекомендовала из всего тома – «Милый друг», где все коротко и понятно. Под нескончаемый монотонный наказ прочитала – дождала. «Ничего особенного – у нас похлеще будет».

Люди их жалели, сносили узелками к порогу отвергнутые кичливыми чадами малonoшеные вещи. Их маленький городишко, где все обо всем знали, имел такой же, как и все в нем, миниатюрный центр. В нем сосуществовало две общности, две ее формации, где роскошь и откровенная нищета находились в извечном взаимодействии: красота стремилась ассимилировать собой достаток, а «деньги» – купить иллюзии совершенства. В городке спрессовалось прошлое и настоящее, откровенный архаизм находился в порочной связи с новейшей историей.

Родной коммунальный ведомственный домишко на три семьи, построенный еще на заре послевоенного градостроительства в самом, что называется, центре, являл собой такой яркий образчик. Лето удачно скрывало его роскошью юга – зеленой стеной. Убожество пряталось на какое-то время за частоколом из сирени. А так как лишь лето привлекало сюда всемогущих функционеров с ностальгической закваской босоногого прошлого – за зеленым частоколом они могли не разглядеть очевидной язвы на самом видном месте. Зимой же унылый дворик сиротливо открывался у всех на виду за оголенными ветвями в порыве ожидания подавания. Милости от людей стеснялись, а ждали ее от неба, чтобы стужа не разгулялась, да не свирепели ветры, ибо худые двери и потрескавшиеся турлучные стены плохо держали тепло. И, чтобы Господь Бог не позволил на их голову еще какого катаклизма. Что особенно печально – к убожеству привыкли, для окружения оно стало чем-то обыденным, вроде безысходного натюрморта с контейнером для отходов на нем в переплетении солидных инфраструктур. Мать, отчаявшаяся ходить по инстанциям по поводу непригодности жилья, как-то хотела летом повалить частокол – оголиться пришлому народу, но в последний момент одумалась – советская закваска остановила жить на виду, да и ожесточение обрастало привыканием – «собачья жизнь» стала привычной. Они существовали, любуясь чужим счастьем, растущим со скоростью мухоморов в расщелинах их разошедшихся ступенек.

Вечерами, особенно летом, когда тень посадки скрывала Матрену от гуляющих допоздна парочек, она таилась у стены, подхватывая с чужих уст случайные реплики. Иногда она слышала редкие, непонятные ей витиеватые обороты под шорох веток от припертых к частоколу спин. Она наблюдала бесконечные поцелуи и скоротечные проявления любви безудержных влюбленных. От природы Мотьке досталось чувствительное, склонное к лирике сердце, которое от слов чужого признания начинало трепетать. Она боялась внезапных концовок и спешила ретироваться в укрытие, в их скромную комнатешку.

Бурная страстность одной из пар необыкновенным напором приковала ее ноги к земле – она не успела спрятаться. События разворачивались стремительно – она даже среагировать не успела. Эта парочка зашла совсем далеко – протиснулась в прореху частокола, в темноту их дворика. Побег ее в этом случае раскрыл бы присутствие – пришлось замереть в тесном углу лестницы, слившись с тенью дома в нескольких метрах от них. Мотьке недавно минуло пятнадцать. Ее ухоженные счастливые подружки из состоятельных семей влюблялись – у каждой существовала плохо скрытая от общедоступности своя жизнь. А она, как истинная Мат-

рена, в чужих обносках искала ответ в своем неудавшемся имени, отставая от стремительного времени.

Она отчетливо слышала, как возбужденное дыхание девушки проглатывалось жадным поцелуем юноши. Мотька испугалась за них – стон их возбуждения могли услышать за изгородью, так громко и отрешенно они изливали свои чувства.

«Вот это любовь!» – ахнула Мотька, но парень вдруг совершил молниеносный маневр. Путаясь в замысловатых фалдах подола своей подруги, поднял его. Нырнув в полумрак основания ног, судорожно заметался по телу, на ходу выпростав из проема платья ее дородные, вспыхнувшие в сумраке ослепительной белизной груди. Он покрывал их замысловатой вязью поцелуев, бормоча при этом что-то невразумительное. От стремительности событий Мотька забыла дышать, а когда пришла в себя, от резкого притока большой порции воздуха закружилась голова. А подруга извивалась в руках парня, как только что пойманная рыбка. Казалось, случись сейчас внезапное раскрытие, и оно не остановило бы влюбленных. Они упали тут же, на землю – Мотька с трудом различала в переплетении ног и беспорядке одежды их действия.

– Витечек, я тебя люблю, только не надо туда, – сквозь слившийся стон расслышала Мотька.

– Да-арагая, позволь между ножек, – дрожал его одышный голос.

Девушка елозила под ним, оказывая сопротивление.

Он внезапно оторвался от подруги, оставив ей полную свободу, изогнулся спиной в порыве утомленного в хороводе собачьей свадьбы Бобика, застонал и стукнулся обессиленный спиной о стену, рядом с Мотькой – она отчетливо ощутила жар его пылающего тела. Привалившись к стене с закрытыми глазами, он, казалось, улетел в иное измерение. Его лицо устремилось к небу – он больше ничего не желал.

Мотька побоялась от такой близости быть раскрытой и со скоростью кошки метнулась за угол.

– Матильда, куда ты, я в порядке...

Наверное, сквозь забытье он принял ее за свою подругу.

...Мотька заканчивала последние строчки романа под бесстрастное бормотание матери, находя Гаспарини подлым, ее вдруг осенило:

«Матильда, конечно, она станет Матильдой – это созвучно, ее так же полюбят и захотят куда более возвышенно».

Глава 2

Курили дымками трубы парома. На каникулах, когда Мотька была поменьше, мать сажала ее на паром на одной стороне залива – на другой встречал отец. Сейчас Мотька катил к нему на летние каникулы после окончания девяти классов. Последний раз он ее не встретил, просто не смог, но матери она об этом не сказала ничего. «Что за телячьи нежности – она вполне в состоянии добратся сама, без провожатых».

Отец тогда уходил на путину. Мать считала отдых в сельской местности для здоровья продуктивным, поэтому с завидной последовательностью отправляла ее к ненавистному отцу на каждые каникулы. А Мотька чувствовала другое: ее отправляют подальше специально – стоит ей уехать, в тот же вечер к ним заявляется этот мерзкий толстяк, дядька Юрка. Мотька как-то невзначай подслушала разговор мамы с соседкой Верой Васильевной.

– Кобель, каких большинство, но кому я еще нужна? Вся моя заслуга в том, что я моложе его на десять лет – тем и тешится, отметится и пропадает. О каком ты говоришь союзе?

После сцены, которую закатила Мотька им однажды ночью, тот решался прийти к ним только изредка днем, да и то в ее отсутствие. Мотька узнавала об этом по грудке конфет в затертых фантиках на столе. Комнатешка, в которой они обитали с матерью, с трудом вмещала диван, Мотькину кровать и стол. Расхожая одежда висела на спинке кровати, остальная – в бабушкином чемодане под ней. Телевизору, и тому внизу не осталось места – он стоял на полке у них над головой. Был еще крохотный коридорчик – там находилась кухонная плита и ведро с водой на табуретке, да подвесной самопальный шкафчик с посудой. Картошка в сетке в нагромождении всякой овощной всячиной толкалась сбоку от дверей, мешая проходу. Мать вначале пыталась создать какое-то подобие уюта: навесила кружев, оспины стен замаскировала поделками собственного изобретения – потом опустили руки. Мотька знала заранее, когда мать произнесет в очередной раз коронную фразу: «Как же надоела эта нескончаемая колгатня, быстрее бы сдохнуть».

Одни из былых украшений, давно потеряв первоначальную фактуру, продолжали наращивать слой пыли на стенах, другие – точили в подполье мыши. Спали они голова к голове. Проснувшись однажды ночью, Мотька услышала над головой свистящий шепот матери:

– Потише ты, боров... – и громкое сопение дядьки Юрки.

Она училась тогда в третьем классе. Мотька вскочила и увидела, как этот толстяк подмял под себя маму. От этой картины она зашла в истерику – ее стали урезонивать, отчего ей стало еще обидней. Мотька заревела в голос, продолжая кричать до тех пор, пока дядька Юрка не исчез за дверью с охапкой своей одежды.

Глава 3

Отец работал в рыболовецкой артели в поселке на берегу залива. С матерью они не жили очень давно, сколько себя Мотька помнила. Мать рассказывала ей об их совместном прошлом, и Мотька имела на этот счет свое особое мнение:

«Да, от папки пахнет спиртным, но кому до этого есть дело, кому может быть плохо от веселого слабовольного человека?»

В себе она не поддерживала и даже осуждала мать:

«Как можно из-за такой ерунды ненавидеть человека, и, уж, совсем непонятно: променять такого красавца на уродливого толстяка?! Отец всегда весел и разговорчив, правда, у него никогда нет свободных денег, но он никогда не наставляет, не зудит, не переливает из пустого в порожнее».

Понятия «хорошее» и «плохое» у них с матерью разнились, но Мотька это держала в себе. Единственное Мотька не понимала в отце, что он имел в виду, когда в подпитии в слезливой тоске обращался к ней:

– Эх, если бы мы жили вместе, горы бы для тебя своротил.

Она не могла понять, почему, например, нельзя «своротить горы» во время ее приезда к нему? С некоторых пор в Мотьку болезненно внедрилось два «Я»: одно – официальное, для обихода, другое – в себе. Изредка, при особом недовольстве или возбуждении, второе «Я» спонтанно вырывалось из нее, и тогда мать с опаской трогала ее лоб.

Высоко над головой парили чайки, подрагивала корма. Она думала о предстоящих каникулах, о рыбалке, о тамошних друзьях. Каких-то особых эмоций Мотьке встреча не сулила – все для нее было знакомо и обыденно. В лоб что-то шлепнуло – она стрельнула по сторонам глазами, машинально собрала гадость пальцем и стерла ее о деревянный поручень ограждения. Мотька погрозила чайкам, спряталась под навес, продолжая бессмысленно провожать удаляющийся берег. На то место, где она только что стояла, оперлась о поручень парочка. Парень локтем ткнулся как раз в испачканное место.

Три часа всегда пролетали незаметно. Задрожала на маневре палуба – паром подруливал к причалу. Рельсы парома тютелька в тютельку состыковались с рельсами причала, на которых стоял наизготовку тепловоз. Пассажиры дружно потянулись на берег. Впереди маячила черная куртка парня с белой отметиной на локте. Мотька сильно удивилась, увидев на причале расфранченного при шляпе отца, пахнувшего резким парфюмом. К его плечу жалась маленькая миловидная женщина с огненным сполохом густых волос. Она подала Мотьке руку и без помощи отца представилась:

«Тетя Клава... – мачеха».

Мотька непроизвольно отшатнулась, но не устояла против ее дружелюбного взгляда, и, немного помедлив, руку все же подала.

Глава 4

Лето выдалось сухим, жарким. Вечерами Мотья уединялась в миниатюрной, но ее собственной комнатке. Она хотя и была небольшой, но очень уютной – здесь ей не мешали, это было ее личное пространство. Нынешние условия казались Мотье верхом совершенства. По вечерам перед распахнутым настежь окном – оно выходило на обрыв с видом на длинный ребристый язык бухты – Мотья слушала сверчков, ловила залетающих в створ окна доверчивых светлячков, приклеивала их слюной к лицу и корчила в ушедшее в сумрак зеркало рожицы. Иногда дурачилась, украшая светлячками контуры созревающей груди. Мотья заметила, что от прикосновения к их затвердениям ей делается приятно, и часто, оставшись одна, она повторяла случайно полученные ощущения. В полумраке комнатки она могла стать в профиль к зеркалу – луна таинственно очерчивала тонкий девичий профиль. Насладившись очертаниями, Мотья начинала выделять телом невероятные пируэты, представляя себя восточной красавицей-обольстительницей. Гладила нежные места щупленьких полудетских ног, представляя ощущения ласками покоренного ею падишаха. Эти ритуалы влекли и постепенно от безделья и доставшейся от природы повышенной чувствительности стали носить упорядоченный характер.

Дни тянулись своей чередой. Мотья созревала на глазах. За лето она сильно вытянулась. В противовес своим невысоким родителям она походила на стройную грациозную лань. Ее наивный взгляд, человеку не осведомленному в его истинности, под маской молчащей в ней тайны мог показаться игривым. Взрослея внешне, на самом деле она оставалась несмышленной наивной девчонкой. Все ее существо оголтело рвалось к новым неведомым познаниям.

Отец пыжился, пытался эффектнее подать внезапный достаток. За путину он всегда получал кучу денег. В доме в это время раньше появлялось множество ненужных вещей, которые впоследствии, в период безденежья, постепенно исчезали. Отец не был жадной, и то, что предназначалось Мотье, ждало ее до следующего приезда – это незатейливые безделушки, бижутерия, совершенно никчемные в городе – всего собралось великое множество. В этот раз отец прифрантился сам, купил Клаве дорогое платье, украшенное люрексом – вечером состоялась демонстрация мод. Мотье отхватили джинсики, ее мечту – «Блю Колорадо», одноименную маечку, и, самое желанное – сиреневые туфельки на шпильке. Мотья, как только не сопротивлялась, найти в себе силы для отторжения пассии отца не смогла. Клава не была похожа на злую мачеху, и «о, кощунство», Мотье все больше хотелось быть ее настоящей дочкой. За короткое время они сблизились – их отношения складывались в отношения задушевных подруг.

– Надо пережить определенные трудности, – говорила Клава, – чтобы научиться сочувствовать окружающим. Разве виноваты мы, что наши пути так неудачно пересеклись?

В ее рассуждениях не чувствовалось фальши, она принимала Мотью за равную. Мотье хотелось остаться с Клавой наедине подольше: услышать от нее интересное для себя ее женское откровение. Клава, в сравнении с ней, знала очень много, захватывающе рассказывала, и всегда с чувством. В прошлые годы Мотья коротала каникулы с удочкой на причале – сейчас ей стало интересней оставаться дома. Перемены, произошедшие с отцом, она отнесла к заслугам Клавы. Мотья видела в нем чудесное превращение.

Глава 5

В августе, ближе к концу каникул, Клава устроилась на работу в местный рыбцех. Каждое утро она облачалась в холщовую робу, непомерно большие резиновые сапоги – золотые кудри, разбросанные непослушными завитками, Клава прятала под грубым прорезиненным колпаком. Так было принято здесь – все работающие переодевались дома, благо сам цех находился на берегу залива в паре сотен метров от дома. И вообще, весь поселок так и стремился скатиться строениями ближе к воде. Море кормило, поэтому естественно, что вновь возникающие постройки жались ближе к прибрежной полосе. Клава была невысокого роста, а в рабочем одеянии казалась совсем кнопкой. Мотья от безделья забредала на территорию цеха – там она увидела дополнение к спецовке: одеяние дополнял безмерный, до самого пола, ярко-оранжевый резиновый фартук. У Мотьи в первое мгновение от жалости к ней на глаза навернулись слезы. Уменьшенная Клава показалась совсем беззащитной и несчастной, Мотьке хотелось сорвать это уродство и увести ее домой. Расчувствовавшись однажды, не владея собой от обострившейся жалости, она заплакала, уткнувшись лицом в воняющий рыбой, осклизлый фартук.

– Мотечка, что с тобой? Не надо меня жалеть, я, как никогда, счастлива! – отстранилась Клава, выудила из широкой штанины платок и утерла им ее слезы. – Иди, милая, упивайся молодостью, наслаждайся свободой – твое русское счастье все впереди. Желаю тебе лучшей участи. Иди, иди, – подтолкнула она Мотьку, – скоро школа, десятый класс – отдыхай. Вечером поговорим... Иди, дорогая.

Покоренной добротой слов, при упоминании о вечернем общении, Мотьке полегчало, в горле пропал соленый ком, и она благодарно улыбнулась Клаве.

На причале, где бывала раньше Мотья, сидели, свесив с него ноги, двое повзрослевших знакомых пацанов.

– Падай рядом, мочалка, где пропадаешь, не видно чтой-та? – съязвил с ехидцей, откровенно оценивая ее с ног до головы, один из них – упитанный крепыш Толян. – Где тусуешься нонче, загордилась, глижу?!

Мотья, фасонясь, в джинсах, высокомерно хмыкнула, не удостоив его ответом.

– М-мотечка, смотри сколько н-н-натралили. Бычки – одни пацюки, везуха сегодня, – почтительно, стараясь скрыть заикание, смягчил встречу другой пацан – худощавый и голубоглазый.

– Петька, ты всегда был мастуром, – шлепнула ему по плечу Мотья.

– Ты п-приехала, с-садись, – стряхнул он смятый под ним пиджак, – чистый, не б-боись, д-джинсиков не зам-мараешь. У всех клюет, перед штормягой налопаться спешат. Есть запаска, на, бери, – предложил он, с трудно скрываемым желанием задержать ее здесь.

С Петькой в прошлые годы Мотья проводила большую часть летних каникул. Он вытянулся, похудел. Голубые глаза смягчали простые черты лица. В сочетании с ними он казался обаяшкой, а облупленный вздернутый нос делал его озорником. На самом деле, Петька никогда не дрался, а уважение у пацанов снискал рассудительностью и мастерством на рыбалке – Мотья называла его лучшим другом.

От подкупающей интонации Мотья забыла про свою обновку, без колебаний скинула шпильку, на ходу разгораясь азартом. Без брезгливости взяла в руки жирного червя, прихлопнула его заправски в ладонях, насадила и с первого раза булькнула грузилом в нужное место.

– Не разучилась...

– Дык, кто был учитель?! – приняла Мотья игривый Петькин тон.

– Ты какая-то сама не своя, – прошептал он, заискивающе прикоснувшись к ее руке.

«Он заметил перемены в ней?» Вместе с высоким каблучком ей захотелось сегодня подняться выше и своим происхождением. Хотелось говорить красиво и изысканно. Она, не медля, ответила:

– Я теперь всегда такая!

В руку отдавали легкие поклевки – мелочь терзала наживку. Вдруг резко ударило – леска затрепетала. Мотька поспешила подсекнуть. Толян напрягся завистливым ожиданием. Едва показав из воды огромную сплюснутую голову, с крючка сорвалась солидная чернушка.

– Вот это эк-кземпляр!. – задохнулся в восторге Петька.

– Спешит, как голая в душ, – съязвил Толян, – Мотька, она и есть Мотька.

От обидного напоминания своего имени, Мотька отставила закидушку, сунула ноги в шпильки и встала.

– Ч-чего ты, – вступился за нее Петька, – сам-то сколько упустил. Два «столбика» оборвал – р-ротозей, мастер-фломастер.

Раньше бы Мотька смолчала – сейчас заданный форс держал ее на высоте.

– А я, промежду прочим, по паспорту буду Матильда, – застыв к обидчику вполоборота, в порыве злой насмешки процедила Мотька.

– Ха-а, рассмешила. Матильда Граузамвель... Ска-а-жите, звать, как козу «Петрухи-семь сорок».

Обычно выдержанный Петька взвился, заикаясь больше обычного.

– Ниш-шкни, т-ты, х-ходячая п-пародия. Милорд с к-курятника...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.